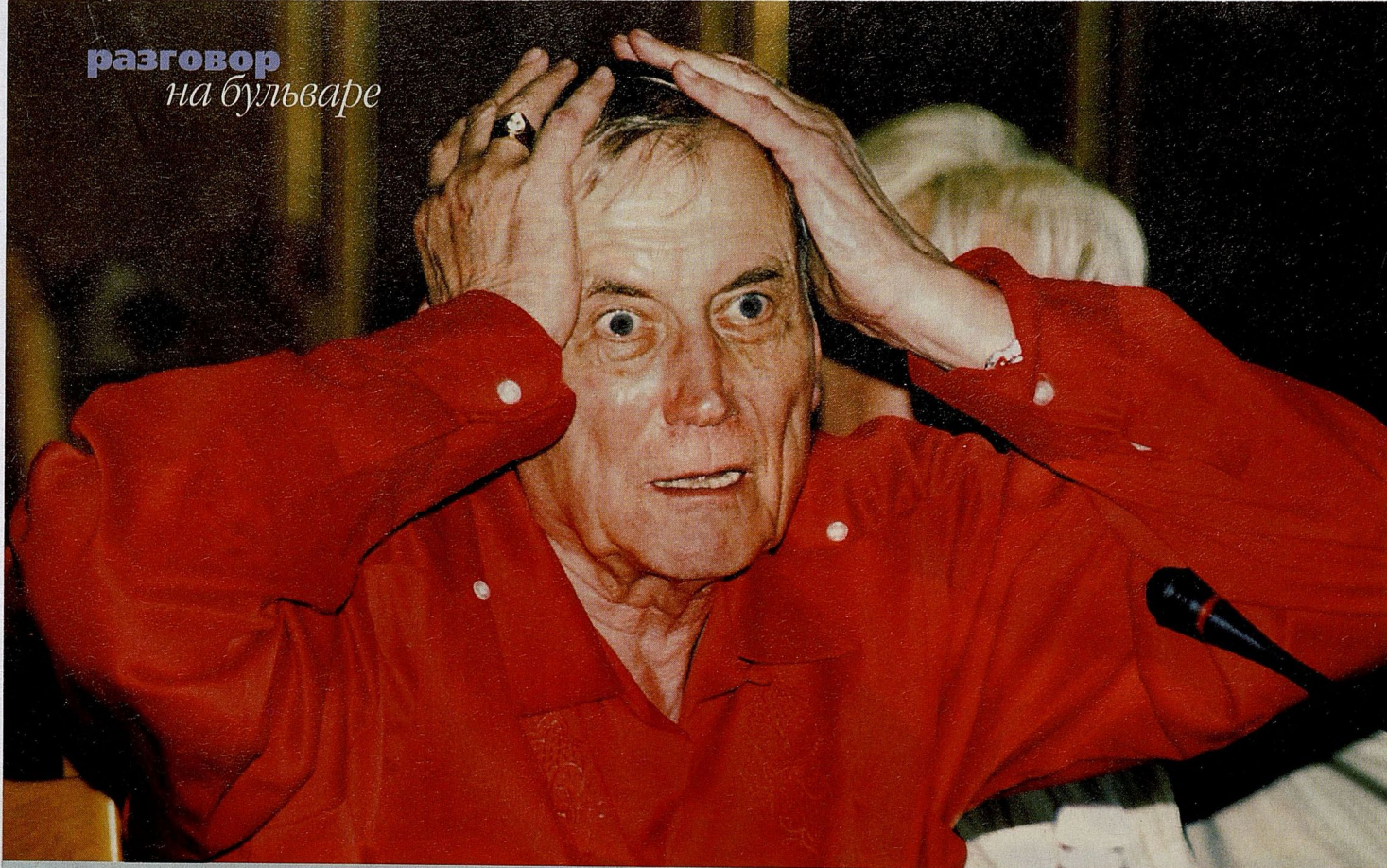

НЕВОЗВРАЩЕЦ

Когда именитый литератор преподает в каком-нибудь заштатном университете, где зачастую его же произведения в обязательном порядке изучаются, и остается при этом вполне частным лицом вне политики — это нормально. Во всяком случае, это считается нормальным во всем мире. Но поэт в России — больше чем поэт.

Появившись в жюри Венецианского фестиваля-2002, Евгений Еvtушенко напомнил о себе СМИ и публике по обыкновению цветастыми рубашками. Слова «напомнить о себе» — в данном случае не просто расхожий оборот речи. Из поколения шестидесятников закономерное забвение в массах и утрату общественного влияния он переживает, пожалуй, тяжелее всех, поскольку привык быть №1.

— Евгений Александрович, вы начали печататься в 50-х?

— Я первым из этой плеяды напечатал свои стихи в 49-м году. Меня приняли в Союз писателей в 52-м. Вознесенский первый стих напечатал в 55-м. Белла Ахмадулина чуть раньше — в 54-м. Она была совсем молодая. Я прочитал ее строчки и поразился. И познакомился с ней. Ее корни восходят к Цветаевой и Ахматовой. Никто из женщин так блистательно не рифмовал. Этому она научилась у меня. В какой-то период она была мне очень близка, стала женой.

Евгений ЕВТУШЕНКО:
«У меня было пять гениев»

В наш медовый месяц мы вместе перевели одну книгу. А потом Белла пошла в другую сторону. Ей не была свойственна гражданская откровенная интонация. Но она всегда восполняла это своим неравнодушием ко всему тому, что происходило среди людей. Она не писала стихов против правительства, но подписывала протесты... Она навестила Сахарова в Горьком — она всегда была модницей и приехала к нему в огромной шляпе и с чудным букетом хризантем.

— А как насчет Америки — там поэт тоже больше, чем поэт?

— Все крупные американские поэты — больше. Уолт Уитмен, конечно, был больше, чем поэт. Он воспевал человечество как свою общую родину. У него было чувство земного шара. Он даже обращался к русским как к братьям, он верил, что это взаимопонимание возможно. И другие крупные американские поэты — Роберт Фрост, например, вроде был фермером, но его гениальное стихотворение про забор очень легко читается как гимн против границ.

несекретные материалы Евгения Евтушенко

Родился в 1933 году на станции Зима Иркутской области: мать — певица Московского театра Немировича-Данченко, отец — геолог. В 1949 году напечатал первые стихи в газете "Советский спорт", в 1951-м поступил в Литинститут, с четвертого курса был отчислен (уже являясь членом Союза писателей). Автор 14 поэм, полусотни поэтических сборников, двух фотоальбомов и двух романов, режиссер двух фильмов. Сыграл роль Цюльковского в х/ф С.Кулиша "Взлет" (1979).

В 1968-м протестует против оккупации ЧССР, в 1974-м выступает в защиту Солженицына, причем в 1967 — 1981 гг. входит в состав правления Союза писателей СССР. В 1989 году избран народным депутатом СССР от гор. Харькова. Известна реплика И.Бродского: "Если Евтушенко против колхозов, то я — за!" В антологии "Строфы века" Е.Е. намекает на свое дальней родство с Маяковским. Песня "Хотят ли русские войны?..." написана на его слова.

— Почему вы отказались баллотироваться в ельцинскую Думу?

— Было уже совсем другое время. Я очень горжусь тем, что я сделала в горбачевском парламенте. В частности, я был первым человеком, который поставил вопрос об отмене выездных комиссий. Помните: "То-варищи из выездной комиссии, снимите шляпы перед бабкой Ганной..."? Границы мне мешают, мне неловко — я беспрестанно бил в эту точку. И не только. Выступал против цензуры и т.д. Кстати, тогда я отказался быть министром культуры — мне предлагали, звонили депутаты, просили меня. Это была идея Олега Басилашвили. Но я отказался — я никогда не хотел никакой власти. Достаточно власти слов.

— Следует ли понимать так, что вы уехали не от родины, а от государства?

— Нет, это не совсем так. Меня не могло выдавить государство, которое следило за мной, писало доносы на меня... Как выяснилось из архивных материалов, все шефы КГБ писали на меня лично. И Андропов, про которого говорили, что он либерал, просто лично рецензировал мои стихи. Это кафкианская история! Он ведь писал стихи сам... Зависть бездарного поэта...

А уехал я не сразу. Сначала вышвырнули из Литинститута... Назвали антипатриотом. Это чуть-чуть просто какая-то собачья! Еще когда я написал "Бабий Яр", меня стали упрекать в том, что я ничего не говорю о русских жертвах. Хотя вся страна знала текст моей песни "Хотят ли русские войны..."

*Поэт в России — больше чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уютно нет, покоя нет.*

Молитва перед поэмой, 1964

До 91-го года все делилось просто: реакционеры и прогрессисты, сталинисты и антисталинисты. Так примерно, условно грубо, мы делили наше общество. И вот наш Союз писателей стал демократическим... И в это время, в 91-м году, я был избран секретарем Союза писателей. Так получилось, что в моих руках сосредоточилась вся исполнительная власть. (Далее следует двадцатиминутный монолог Е.Е. об интригах и кознях совлисов, в результате которых поэт, сгоряча отказавшийся от секретарской зарплаты и машины, был обвинен во всяческих злоупотреблениях. "МК-Бульвар" считает возможным это опустить.)

— Значит, вас достали именно писатели?

— Не только. Я был и сопредседателем "Мемориала". Это совершенно замечательная организация, которая сделала очень много хорошего. В тот момент умер Андрей Дмитриевич Сахаров. Я вел собрание "между Лубянской и Политехнической" — как называется одна из моих книг. И началось что-то ужасное. Люди лезли, стараясь пробиться, запечатлеться, отталкивая друг друга, шепча гадости про других как недостойных микрофона... Это было ужасно. Для меня это было потрясением. Потом уже я видел, как люди закладывали друг друга, делили должности, рвались за границу, пытались улучшить квартирный вопрос. А некоторые из них просто оказались нечисты на руку. Например, Андрей Битов порекомендовал мне Тимура Пулатова, представителя азиатских пенклубов, который начал вести себя как маленький Сталин, прибирать аппарат к рукам. Когда люди из другого Союза писателей сжигали мое чучело — я даже смеялся. Хорошее чучело, говорил. Но я был потрясен тем, что люди, которые называют себя демократами, так могут вести себя... Последняя капля — когда я произносил речь в союзе и вручал билеты. Меня стали прерывать, не давали говорить. И в это время мне прислали приглашение преподавать один семестр в Пенсильвании. Я схватился за него. Взял Машу и наших двух маленьких детей и поехал в Америку. А затем появилось против меня письмо 17 писателей в "Нью-Йорк таймс". Я был в шоке — его подписали люди, которым я немало помог.

— И тогда-то вы решили остаться в Штатах?

— Мое преподавание понравилось, и меня пригласили в другой университет. К тому же... Моя пенсия здесь равна 60 долларам. Не хватает даже на квартиру. Гонорары очень упали.

— Значит, и материальный момент сыграл роль?

— Он не был решающим. Понимаете, у нас была когда-то насильственная коллективизация — потом стала насильственная капитализация. Это было преступное решение. Может быть, Советский Союз и не выжил бы, но он медленно перешел бы в другую форму... Эти коробки из-под ксерокса, это соавторство чиновников из Кремля, гигантские деньги, которые получали замы премьеров за свои книги в то время, как писатели нищенствовали... Все это мне казалось глубоко отвратительным. Я видел, как демократы стали позорить свое звание. Теперь народ не может серьезно относиться к нему и выдумал гениальный неологизм — дерьмократы. Это больно жгло меня. Я иногда думал: какое счастье, что нет Андрея Дмитриевича!

— Вернемся к вашим трудовым будням. Вы преподаете не только русскую поэзию?

*«Тогда, в 1970
году, я и не
догадывался,
что через
четверть века
по собственной
воле, а не под
чьим-то
нажимом
изменяю строчку
о Ленине:
«...твой гений
едет в Питер
из Разлива»
на
«...недобрый
гений едет
из Разлива».*

Венеция, 1996

Геннадий Черкасов

*Евгений Евтушенко
гордится, что пять
месяцев в году
проводит в России.*

*МК Бульвар
23 сентября — 29 сентября '91
2007*

разговор на бульваре

Сергей СВИНЦОВ

**Евтушенко —
многолетний отец.
Сыновья: Женя, Митя,
Саша и Антоша.**

**Последняя жена поэта
— Маша.
Ей посвящено
стихотворение
“Последняя попытка
быть счастливым”.**

— Да, меня попросили еще читать курс по русскому и европейскому кино... Дело в том, что мои фильмы “Детский сад” и “Похороны Сталина” шли в американском прокате — были выпущены на кассетах. “Похороны Сталина” посмотрело очень много людей в крупнейших университетах Америки.

— Где вы сейчас живете?

— В основном я преподаю в частном университете городка Талса, Оклахома. Это степной ковбойский город, хотя и есть озера. 350 тысяч жителей, два университета, симфонический оркестр, четыре драматических театра. В нашем университете шесть с половиной тысяч студентов, каждому надо платить 20 тысяч в год за учебу. Хотя много грантов для способных ребят и студентов из бедных семей. Учатся в университете в основном дети ковбоев, фермеров, нефтяников, в общем, дети природы. Настоящая американская глубинка.

— Неужто ковбои знают русское кино?

— Есть специфика. У меня составлен вопросник к первокурсникам: какие иностранные фильмы вы уже видели и т.п.? Каждый раз почти все дружно отвечают: ни одного. В этом году, правда, у меня было два студента, очень осведомленных в иностранном кино. Зарубежные фильмы в США издаются крошечными тиражами. Даже если они получают “Оскар”. При этом в Нью-Йорке намного легче достать русские фильмы, чем

в России. Там можно достать практически все из старых советских фильмов.

Одна студентка в своей работе по моему фильму “Детский сад” написала: “Знаете, мистер Евтушенко, как замечательно, что ваш фильм раскрыл мне то, что, несмотря на то что русские воевали на стороне Гитлера во время Второй мировой войны, среди них было столько симпатичных людей”. Я был потрясен. Сейчас уже этому не удивляюсь, даже когда выясняется, что ни один человек из аудитории не видел “Гражданина Кейна”. Или “Корабль дураков”. Что уж говорить об Окуджаве...

— Вы сталкивались со знаменитой американской политкорректностью?

— Я столько раз об нее спотыкался! Например, меня просят отобрать трех хороших ребят на гранты. Я отбираю. Мне говорят: “Ты что? Читай примечания”. Там написано, что эти гранты предоставляются только индейцам, латиноамериканцам или афроамериканцам. У меня же — просто хорошие студенты из бедных семей. Нельзя. И они берут слабых ребят из нацменьшинств. Как у нас когда-то. Очень похоже. Советский Союз наоборот.

— Какие из наших фильмов вы показываете своим студентам?

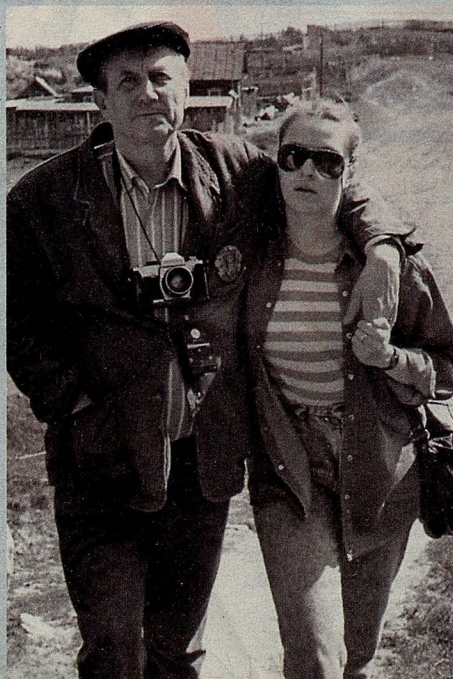
— Те, которые одновременно воспитывают чувство истории человечества и России. Например, “Чучело”. Сколько американских девочек мне говорили: это я, это моя история... точно так же я чувствовала себя чужой, и у меня был чудак дедушка. Рождается ощущение близости к чужому народу. Люди так же страдают, мечтают, обманываются.

Они чувствуют, что они дети человечества и дети России тоже. “Комиссар” — один из самых любимых нашими студентами фильмов. А потом я показывал “Двенадцать стульев” и “Золотой теленок” — они все были разочарованы. Еще я показывал им “Покаяние”, “Жил-был певчий дрозд”, “Холодное лето 53-го”. Но ничего не объяснял. И вдруг они стали употреблять выражение “дорога к храму”. Оно стало нашей студенческой поговоркой. Грузинское кино оказало на них огромное воздействие.

— Тогда почему американским прокатчикам не глянулся “Сибирский цирюльник”?

— Вовсе не потому, что сержант не знает Моцарта. Чепуха это все! Я показывал фильм в трех университетах. А там ведь многие студенты служат в армии, и армия оплачивает их учебу. Нет, говорят, нормальный сержант, еще хуже бывают. Им понравились сцены на перроне, когда идет толпа арестантов, очень понравился Ильин, даже сам Никита Сергеевич в образе царя. Меня спросили: “Он что, из этой семьи?” — “Нет, но в принципе аристократ”.

**Фотопробы на роль
Д’Артаньяна в фильме
по собственному
сценарию “Конец трех
мушкетеров”.
Апрель 1986 г.**

Сергей СВИНЦОВ

Главной своей заслугой
Евтушенко-политик
считает отмену
"выездных комиссий".

трозаводского университета, но в Америке, чтобы лечить, надо 12 лет учиться на врача. И Маша получила сертификат преподавателя. Она сейчас преподает в школе. Одновременно учится в университете, чтобы сдать экзамен в аспирантуру — она хочет получить докторскую степень.

— В какой области?

— Филология. Лингвистика.

— Это ваше влияние, Евгений Александрович?

— Нет! Она хочет быть самостоятельным человеком! Это совершенно правильно. Я ее уважаю. Она встает в 6 утра, отвозит в школу детей (Митя и Женья сейчас учатся в школе для особенно одаренных детей), затем едет в свою школу, в три часа привозит детей домой, на ходу пьет чашку кофе и идет заниматься. В пол-одиннадцатого она возвращается домой из университета. Вот как она живет сейчас.

— У вас там свой дом, машина?

— Да, есть дом, но не огромный — такой нормальный, рабочий. И конечно, машины. В Америке нельзя жить без машины — особенно в маленьких городах...

— Вы, смотрю, стали настоящим Пниным?

— Я уже подзабыл этот роман Набокова! Он, кажется, себя там изобразил?

Я совершенно другой. У меня свой стиль преподавания. Я настраиваю ребят на откровенность. Стараюсь, чтобы они писали не рецензии, а исповеди о себе. Я считаю, что, когда молодой человек все впечатления забирает внутрь, тогда и получается суицид. И люди кончают жизнь самоубийством. Надо делиться. В Оклахоме у меня, кстати, сто студентов. С 92-го года у меня было пять гениев! Это очень много, между прочим. В том числе композитор, адвокат...

— Сейчас выступаете со стихами?

— Редко. Но вот на мой день рождения был вечер в ЦДЛ (Политехнический сейчас на ремонте). На него приехали пятнадцать моих студентов из Талсы. Сейчас я заканчиваю антологию "Десять веков

русской поэзии" — с XI по XXI век. Это гигантский труд — три тома по тысяче страниц каждый. Издательство "Искусство" выпустит в следующем году.

— Антология антологией, но как там Евтушенко пишется?

— Вообще-то я пять месяцев провожу в России. Посмотрите, что я написал с 92-го года... Не только стихи, прозу, но и сценарии. Хотел поставить картину и сыграть главную роль — старого футболиста. Написал заявку. Но мне просто не дали денег. Сказали, чтобы я писал полный сценарий без денег. Но работать пять месяцев бесплатно — это просто нонсенс.

— НАТАЛЬЯ БОБРОВА

На последнем Венецианском
кинофестивале ежедневно
меняющиеся яркие одежды члена
жюри Евтушенко настолько
поразили зрителей, что на
вручении призов (на котором
Евгений Александрович не смог
присутствовать) на сцену был
вынесен его цветастый пиджак.